

как средств обращения субъекта к субъекту. Почему именно это поэтика антропологическая, а не историческая, как предлагает ряд современных литературоведов? Потому что она исходит не столько из исторической имманентности той или иной эпохи, от чего, собственно, и отталкивается в своем определении исторической поэтики А. Н. Веселовский, сколько из имманентности субъекта (личности) в историческую эпоху.

Обозначенная парадигма субъекта в антропологической поэтике, сквозь призму которой мы предлагаем интерпретировать художественный текст, в первую очередь особенно важна при изучении русской поэзии конца XX — начала XXI в. Пафос современной поэзии — в стремлении субъекта постичь себя онтологически, через сжимание (сжатие) "Я" в предельную эгоцентрику и одновременно в предельную всеобщность. Реализация такого постижения может быть осуществлена только поэтически, на чем настаивал еще М. Хайдеггер. И поскольку поэзия — это искусство именования, схема субъектной структуры (предложенная еще П. А. Флоренским и развитая другими отечественными философами), она представляется на сегодняшний день наиболее адекватной для описания сути "онтологического субъекта" в новейшей русской литературе.

На современном этапе развития филологии новая социокультурная ситуация, когда на первый план выдвигаются антропоцентрические концепции, обязывает не только литературного критика, но и литературоведа к личному переосмыслению текста и многих привычных понятий и положений, таких как исторически конкретное и вечное, национальное и общечеловеческое, нравственные ориентиры индивида и общества и т.д. Разрабатываемый проект позволит вооружить литературоведов новой стратегией интерпретации художественных текстов.

А. С. Кравец, С. В. Канькин

ТЕКСТ И ЕГО ПОНИМАНИЕ

Современное философское знание в полной мере отражает переходный характер социокультурной ситуации нашего времени. На протяжении последних полутора столетий отчетливо наблюдается смещение философии от парадигмы классической метафизики, столпами которой были вечные вопросы о подлинном

бытию и объективной истине. Бытие в рамках этой традиции осмыслялось как абсолютное, полное, автономное. Истине приписывались свойства быть всеобщей, единой, самодостаточной. Налицо разрыв рационализма трансцендентального сознания и ценностного отношения к миру: ориентированная таким образом наука ничего не может сказать о смысле или бессмысленности человеческого существования, так как она, по выражению Гуссерля, "абстрагируется от всякой соотнесенности с субъективным". Истины науки — вечные, без человека существующие законы абстрактного мира, где вопрошающий о смысле бытия и истины субъект "вынесен за скобки".

В этой связи неслучаен поворот философии к экзистенциальной проблематике: бытие есть горизонт существования сущего, для которого оно открывается и имеет смысл. Культура и есть тот тип бытия, который ставит экзистенциально ориентированную философию перед осмысленным бытием, ибо культура не просто хранит в себе множество смыслов, но и логикой своего существования демонстрирует бытие смысла. "Объективированной" формой бытия культуры нами признается текст, характериземый такими свойствами, как единство материального и идеального, субъективного и объективного, индивидуального и социального. Тексты как семиотические объекты являются "тканью" культуры, главными элементами коммуникативной системы, организующей социальное пространство; они формируют ментальные структуры и оказывают влияние на функционирование социальных субъектов. Универсальность текста, понимание его фундирующей роли в культуре вызывают к жизни новое направление гуманитарной мысли — "философию текста", синтезирующую усилия по осмыслению дискурса, текста, интертекста, произведения, письма представителей различных областей знания, работающих как в постклассической, так и в постмодернистской парадигме.

В современном филологическом (т.е. "традиционном") понимании текст — это "сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связанностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой"¹. Однако еще на рубеже XX в. понятие "текст" толковалось существенно уже: так, в словаре Брокгауза и Ефрона это "слова, на которые пишется вокальное сочинение", или "собственные слова автора в противоположность примечаниям и рисункам", или "цитаты из Свящ. Писания". Понятие текста есть, как видно,

результат эволюции, весьма своеобразной в своей исторической логике. В кратчайшем виде этапы этой эволюции можно представить следующим образом. Мифомагическая культура раннеродового строя еще не знала различия текста и реальности: слово, знак — еще часть предмета, а сам предмет — часть знаковой системы в смысле его зависимости от общей космологической схемы. Процедуры чтения и письма сводятся поэтому к “вычитыванию” смыслов из предметов и “приписыванию” предметам знаковой формы. Культура греко-римской античности знаменуется первыми попытками осознания понятия “текст”, что становится возможным при демифологизации мышления, на стадии развертывания временного цикла в линейную последовательность. Текст воспринимается исключительно как языковой феномен, воспроизводящий уже не структуру Космоса, но способ живой коммуникации людей. Средневековая культура воспринимает слово как универсальный инструмент творения, откровения и понимания, что приводит, с одной стороны, к “почитанию” текста, а с другой — к идее возможного отрицания текста как такового, связанного с необходимостью “непосредственного” проникновения в божественный замысел. Культура Возрождения озаменована историческим подходом к текстам, у которых обнаруживаются источники и авторы. На этом же фоне складывается представление о культурно-исторической обусловленности текстов. Существенным достижением культуры Нового времени является возникновение критики текста: текст перестал быть самодовлекшей действительностью, но оказался свидетельством наличия чего-то иного, принципиально отличного от себя. В период становления романтизма во Франции и Германии филологи и философы открывают собственную культурную ограниченность при понимании текстов других эпох и народов. В начале XX в. работы Соссюра дают толчок к изучению любого явления культуры как текста.

В это же время приходит понимание того, что текст — это первичная данность, исходный пункт всякого гуманитарного мышления. Поэтому нельзя понять сущность гуманитарного знания, его особенности, не осмыслив в должной мере познавательную роль текста. В самом первом приближении укажем на некоторые отрасли гуманитаристики и специфику их подхода к тексту: текстология (обслуживание эдicii текстов с учетом их историко-культурного контекста), генетическая критика (изучение генезиса, механизма создания текста, выяснение специфики деятельности пишущего), литературоведение (анализ структу-

ры и культурно-исторического окружения текста), герменевтика (предельно широкое понимание текста как письменности, литературы, "абстрактной идеальности языка" (Х.-Г. Гадамер), всей своей целостностью присутствующей в смысловой глубине конкретных произведений), лингвокультурология (анализ культуры как высшего уровня языка), неориторика (изучение дискурсивных техник, увеличивающих связанность тезисов в тексте), семиотика (рассмотрение текста в качестве закодированной особым образом моделирующей конструкции), культурология (понимание текста как речевого (или шире — знакового) образования, которое имеет внеситуативную ценность), а также структурная поэтика, мотивный анализ, классический психоанализ, аналитическая философия, семантика возможных миров, лингвистика текста...

Синтезом новой — "текстоцентричной" — методологии гуманитарного знания, осмысляющей особенности видения текста как предмета вышеперечисленных наук, выступает формирующаяся в России усилиями В. П. Руднева и его последователей "философия текста". Сущность нового направления философии В. П. Руднев излагает в семи главных пунктах:

1. Все элементы текста взаимосвязаны. Это тезис классической структурной поэтики.

2. Связь между элементами текста носит трансуровневый характер и проявляется в виде повторяющихся и варьирующихся единиц — мотивов. Это тезис мотивного анализа. Если мы изучаем культуру как текст (в духе идей Ю. М. Лотмана), то на разных ее уровнях могут проявляться одинаковые мотивы.

3. В тексте нет ничего случайного. Самые свободные ассоциации являются самыми надежными. Это тезис классического психоанализа.

4. За каждым поверхностным и единичным проявлением текста лежат глубинные и универсальные закономерности, носящие мифологический характер. Это тезис аналитической психологии К. Г. Юнга. В XX в. данная особенность наиболее очевидным образом проявляется в таком феномене, как неомифологизм. Так, в стихотворении Пастернака "Гул затих. Я вышел на подмошки" под Я подразумевается и автор стихотворения, и Иисус Христос, и Гамлет, и всякий, кто читает это стихотворение. Глубинный мифологизм проявляется также в обыденной жизни, если понимать ее как текст. Так, например, Юнг показал, что выбор сексуального партнера зависит от генетически

заложенного в индивидуальном человеческом сознании коллективного архетипа.

5. Текст не описывает реальность, а вступает с ней в сложные взаимоотношения. Это тезис аналитической философии и теории речевых актов.

6. То, что истинно в одном тексте (возможном мире), может быть ложным в другом (это тезис семантики возможных миров).

7. Текст — не застывшая сущность, а диалог между автором, читателем и культурным контекстом. Это тезис поэтики Бахтина.

Применение этих семи принципов, традиционных самих по себе, к конкретному художественному тексту или любому другому объекту, рассматриваемому как текст, составляет сущность философии текста².

Добавим к этому, что важнейшей предпосылкой появления новой отрасли философского знания является определяющая сущность философии рефлексия над предельными основаниями человеческого бытия, присущими человеку способами освоения действительности. В этой связи, поскольку рассматривается проблема текста, речь должна идти об основаниях человеческой коммуникации. Но можно пойти еще дальше — от онтологии к гносеологии и методологии науки. Нам представляется, что формирование "философии текста" диагностирует переход гуманитаристики от "лингвоцентричного" научного дискурса к "текстоцентричному" культурологическому³. Выделим принципиально важные моменты, составляющие основные тенденции методологии современного гуманитарного знания, ориентированного на ценности культурологического дискурса, организующим элементом (методологической доминантой) которой является текст:

1. Понятие человека разумного конкретизируется и приобретает вид "человека понимающего", "человека интерпретирующего", важнейшим видом деятельности которого является работа по извлечению и порождению смыслов. Возможность интерпретации — сущностная характеристика человека, подтверждением чего является тот факт, что желание быть понятым едва ли не самое сильное в структуре духовных потребностей личности.

2. Образ "человека интерпретирующего" является многомерным, поскольку преодолевает в своеобразном экзистенциально-антропологическом синтезе когнитивных практик классическую "отражательную" парадигму, в которой допускаются "объективные" факты, не зависящие от интерпретации, отказывает в претензии иррационализма на возможность непосредственного пони-

мания, развенчивает иллюзии романтизма о существовании скрытой в тексте конгениальной связи автора с читателем, а также отвергает объективизм рационального объяснения, применяющий к тексту структурный анализ знаковых систем, характерных не для текста, а для языка.

3. Мир предстает как универсальный Текст, причем это понятие используется как для обозначения всего корпуса смысло-содержащих артефактов, важнейшим свойством которых является принципиальная возможность их интерпретации (распредмечивания смыслов), так и в качестве синонима всего бытия. В этой связи известный постулат Жака Деррида «Мир как текст» раскрывается сегодня в качестве утверждения «Ничто не существует вне текста». Таким образом, понимание носит универсальный характер, распространяясь на все, что может быть выражено в языке и представлено в тексте.

4. Текст (как родовое понятие) представляет собой разнонаправленное, вариативное “сплетение” разнотипных кодов культуры, воплощая собой культурную полисемию. Эта гетерогенность Текста обуславливает его внутреннюю динамику (диалог, конфликт интерпретаций, ассимиляция кодов и т.д.). В этом качестве Текст фрагментирован на множество своих видовых опредмеченных реализаций (вербальной и невербальной природы), являющихся произведениями. Произведение — это актуализированный, моносемически оформленный и структурированный дискурсом автора текст.

5. Способами включения произведений в Текст культуры признаются дискурсивные и интертекстуальные практики. Доминантой дискурсивных практик является различение и противопоставление тематически связанных произведений, что достигается путем актуализации их рематического разнообразия. Интенция интертекстуальных практик — осуществление ассимиляции и дивергенции семантически связанных произведений с целью унификации и трансформации (приращения) смысла в рамках определенного центрирующего текста.

6. Понимаемый как “родовое” понятие (выражающее в знаковой форме речемыслительную деятельность) Текст и культура обнаруживают ряд общих черт, к которым относятся ориентация на внеязыковую действительность, диалогичность, дискретность, полисеманτικότητα, негэнтропийность, креативность, знаковость, историчность, нормативность и т.д. Функциями текста в культуре являются коммуникативная, кумулятивная, адаптивная, директивная, регулятивная, продуктивная. Однако же текст

является автономным явлением культуры, неотожествимым с ней. Способом вхождения текста в культуру признается его интерпретация; текст, не подвергнутый указанной процедуре, не является феноменом культуры. Можно заключить, что текст (произведение) является единственным способом выражения культуры, однако только в культуре приобретает свою определенность, бытийствует в своем качестве.

7. Насущной потребностью нашего времени является нахождение новых способов духовной интеграции человечества. К уже существующим концепциям пневматосферы и ноосферы должна быть прибавлена концепция семиосферы, объединяющая в себе все тексты человеческой культуры, взаимосвязь которых формирует единый культурный Интертекст. В глобальном "диалоге текстов" воссоздается духовный мир минувших эпох, "чужих" культур и одновременно конструируются новые смыслы, программируется будущее, обеспечиваются непрерывность и единство культурно-исторического развития. Организация текстов в культуре может стать примером организации нашего социального бытия, преодоления все возрастающих тенденций дегуманизации мира. Интертекст основан на таких принципах, как диалогизм, неиерархичность, временная и пространственная взаимосвязь, самоорганизация, смысловая наполненность, принципиальная неограниченность, креативность и бесконечный творческий потенциал. Все это — позитивные и желательные, но дефицитные для нашего времени атрибуты человеческого бытия. Осмысление феноменов культуры во всей их полноте и взаимосвязи, как нам представляется, важнейший способ преодоления самоотчуждения человечества, обретения подлинного единства. И понимание культуры как Интертекста с ориентацией общества на его принципы является отражением специфических черт и надежд современной социокультурной ситуации, одной из возможных предпосылок гармонизации и интеграции человеческого общества.

8. Отношения "человека интерпретирующего" и мира-Текста должны строиться только на таких основаниях, которые способствовали бы поддержанию коммуникации и приращению смыслов. К важнейшим условиям, обеспечивающим это глобальное "понимание", могут быть отнесены следующие:

— доминантой социальных практик должно стать понимание, а не самоутверждение (в этой связи приведем максимум итальянского философа Эмилио Бетти (1890–1968) о том, что смысл следует выносить, а не вносить). Здесь очень важна установка на предрасположенность к пониманию, что, помимо прочего, пред-

полагает смирение в отношении себя ради другого. При помощи образа текста происходит построение своеобразных утопических проектов (деконструкция Ж. Деррида, идеи М. Фуко, Р. Барта). Так, по мнению Р. Барта, "текст осуществляет своего рода социальную утопию в сфере означающего; опережая историю (если только история не выберет коварство), он делает прозрачными пусть не социальные, но хотя бы языковые отношения; в его пространстве ни один язык не имеет преимущества перед другим, они свободно циркулируют (с учетом "кругового" значения этого слова)"⁴. Сфера социальных противоречий интерпретируется в данном случае со стороны языка и именно в тексте как модели (принципе организации) воплощаются традиционные идеи равенства и свободы. Текст, таким образом, выполняет функцию утопического социального моделирования;

- всякая инаковость не подавляется, а поддерживается. Усилия интерпретатора должны быть направлены не на преодоление иного, а на сближение с им;

- всякий смысл потенциально не исчерпаем и в силу этого не может быть монополизирован. Формой работы со смыслом является только диалог;

- высшие формы понимания всегда человекообразны. К ним относятся транспозиция (перенесение себя на место другого), сопереживание, подражание. В этой связи особую актуальность приобретают слова Камю о том, что понять мир — значит свести его к человеку, оставить на нем человеческий отпечаток.

Таким образом, философия текста может быть интерпретирована как философия культуры в культурологическом дискурсе современной гуманитаристики. Текст становится метафорой культуры, причем в постмодернизме мы можем наблюдать его экспансию на бытие в целом. Это возвещает приход эпохи нового гуманизма и антропоцентризма: все в мире имеет значение, поддается интерпретации, является человекообразным.

Результатом интерпретации текста является понимание, сущность которого впервые в явном виде была определена Августином Блаженным: "Понимание есть переход от знака к значению". Эта чрезвычайно сложная процедура может быть представлена в трех измерениях, которые мы назовем стратегиями понимания. Выделенные стратегии, конечно же, взаимосвязаны; феномен понимания возникает при их синтезе, однако только этим синтезом не исчерпывается. Аналитическая работа по выявлению указанных стратегий имеет целью определение самой общей структуры процесса понимания.

1. Стратегия первая: понимание как реконструкция смыслов.

Особенно четко такой подход к пониманию был выражен в экзегетике — разделе фундаментальной теологии, занимающимся истолкованиями священных текстов. Главным условием применяемой экзегетикой методологии является установка на имманентное истолкование текстов, направленность на автохтонное воспроизведение их смысла. Слово Божье, переданное в откровении, не может служить поводом для произвольного конструирования смысла или вербальных игр, — оно должно быть понято в его изначальной глубине и святости. Таким образом, в экзегетике понимание трактуется не как наполнение текста смыслом, позволяющее разночтения и допускающее вариативность способов интерпретации текстов, — речь идет о понимании как о единственно правильном понимании, т.е. реконструкции исходного смысла.

В русле рассматриваемой стратегии находятся идеи и основоположников современной герменевтики Фридриха Эрнста Даниеля Шлейермахера (1768–1834), Вильгельма Дильтея (1833–1911), Эмилио Бетти (1890–1968).

Согласно взглядам Шлейермахера, постижение текста должно идти методом психологического "вживания" исследователя в замысел, цель, состояние автора. Правильное понимание текста представляет собой искусство, это интуитивное "схватывание" общего смысла произведения. Возможность искусства понимания обосновывается у Шлейермахера следующим образом: существует некий сверхиндивидуальный "Дух", и деятельность как автора (при создании текста), так и исследователя (при истолковании этого текста) есть проявление жизнедеятельности этого Духа. Цель исследователя состоит в том, чтобы понять автора лучше, чем он сам себя понимал.

Идеи Шлейермахера в области герменевтики получили дальнейшее развитие в творчестве немецкого философа Дильтея, который особенное внимание уделял поиску объективного значения текста. Где гарантия этой объективности? Дильтей, вслед за Шлейермахером, ищет ее в принадлежности понимающего субъекта и понимаемого им объекта одному и тому же смысловому полю — Жизни, или Духу (духовно-историческому миру). Истолкователь, будучи в той же мере, как и толкуемый текст, частью духовно-исторического мира, может прибегнуть в своих интерпретационных усилиях к "вчувствованию", а будучи моментом исторической Жизни, он может опереться на "переживание". Однако гарантией объективности ни "вчувствование", ни

"переживание" служить явно не могут. Вот почему Дильтей переводит внимание с интуитивно-психологического на *объективно-исторический* момент герменевтической активности. Понимание предполагает не только (субъективное) со-переживание, но и (объективную) реконструкцию того культурно-исторического мира, в котором определенный текст возник и обнаружением, объективацией которого является. Поэтому Дильтей интенсивно обращается к гегелевскому понятию "объективного духа", а также вводит наряду с понятием "переживание" понятия "выражение" и "значение". Понимание трактуется им в поздних работах в качестве "воспроизводящего переживания" и реконструкции имманентных тексту смыслов.

Завершив наше рассмотрение первой стратегии понимания обращением к работам Бетти "Общая теория интерпретации" (1955) и "Герменевтика как общая методика наук о духе" (1962). Бетти рассматривает процесс интерпретации (результатом которого является понимание) как "объективацию духа", распределение его из объектов культуры. Причем для итальянского философа принципиально важным является указание на объективный характер этого процесса: искомый смысл должен быть извлечен из источника, а не "выдуман" интерпретатором. Эта установка сформулирована Бетти в лапидарном виде: "Смысл следует не вносить, а выносить". Для повышения эффективности такого рода деятельности по извлечению смысла Бетти формулирует четыре канона герменевтического процесса, два из которых относятся к объекту интерпретации, а остальные — к субъекту. Представим их в следующем виде:

- канон герменевтической автономии объекта предполагает, что в каждом артефакте изначально содержится определенный смысл, на поиск которого и должна быть нацелена деятельность герменевта;
- канон когерентности герменевтического рассмотрения: части текста понимаются на основе смысла целого, которое можно понять только благодаря синтезу смыслов отдельных частей;
- канон актуальности понимания: интерпретатор идет к пониманию на основе собственного опыта; некоторая субъективность неустраима из результатов интерпретации;
- канон герменевтического консонанса: понимание в качестве своего условия непременно требует конгенитальности интерпретатора и автора текста. Мало одного желания понять; необходимо иметь схожий культурный горизонт, в рамках которого и будет достигнуто приобщение к адекватному смыслу.

2. Стратегия вторая: понимание как конструирование смыслов. Представителем этой концепции понимания выступает Ханс-Георг Гадамер (1900–2002), автор одного из самых влиятельных трудов по теоретической герменевтике *“Истина и метод”* (1960). Согласно его взглядам, источником смыслов текста является как автор, так и интерпретатор. Приступая к любому тексту, интерпретатор заранее имеет некоторое его предпонимание. Оно определяется, во-первых, структурами общего для автора и интерпретатора языка (задающими языковую картину мира), а во-вторых, уже имеющимися интерпретациями этого текста, основанными на культурной традиции. У Гадамера понимание – это не столько познание, сколько универсальный способ освоения мира (*“опыт”*), оно неотделимо от самопонимания интерпретатора, есть процесс поиска смысла (*“сути дела”*) и невозможно без предпонимания. Поэтому понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстоит нам как что-то абсолютно загадочное. Тем самым предметом понимания является не только смысл, вложенный в текст автором, но и то предметное содержание (*“суть дела”*), с осмыслением которого связан данный текст. Гадамер пишет о том, что тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется, в свою очередь, лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста. Тем самым возникает цепочка интерпретаций, направленная к получению все более точных версий.

При таком подходе автор, создавший текст, оказывается почти случайной фигурой: он породил текст, который затем живет своей самостоятельной жизнью. Понятно, что текст множеством нитей связан с эпохой, в которую был создан. Поэтому интерпретатор отыскивает в тексте именно те слои смысла, которые связывают его с этой эпохой. Однако текст, став культурным и историческим фактом, оказывает влияние и на все последующие эпохи. Это означает, что наши сегодняшние интерпретации текста далеко *“не последнее слово”*, на смену им придут все более и более правильные. Понимание – это *“разматывающийся клу-*

бок интерпретаций". Здесь возникает парадоксальная ситуация: чем дальше во времени мы находимся от момента создания текста, тем более точную его интерпретацию можем получить. Следовательно, понимание возможно лишь в качестве "применения" — соотнесения содержания текста с культурным мыслительным опытом современности. Интерпретация текста, таким образом, состоит не в воссоздании первичного (авторского) смысла текста, а в создании смысла заново. Подтвердим эту мысль цитатой из Гадамера: "Подлинный смысл текста или художественного произведения никогда не может быть исчерпан полностью; приближение к нему — бесконечный процесс".

3. Стратегия третья: понимание как деконструкция смыслов.

В постмодернистском дискурсе сформирована идея различения понятий "текст" и "произведение". Считается, что Текст в родовом значении (как синоним культуры, а в некоторых случаях — и бытия вообще) фрагментирован на множество своих видовых опредмеченных реализаций (вербальной и невербальной природы), являющихся произведениями, под которыми понимают актуализированный, моносемически оформленный и структурированный дискурсом автора текст.

Текст в представлении постмодернистов является эмблемой безвластия и культурного плюрализма, когда, по Барту, каждая смысловая инстанция несет в себе собственную "истину" ("истину желания"), и, поскольку таких истин ровно столько, сколько существует субъектов желания, все множество культурных языков образует своего рода сокровищницу, из которой каждый индивид свободен черпать "в зависимости от истины своего желания"⁵. Из того факта, что Текст — это культурная полисемия (множественность, вариативность, безвластие, внесистемность), упакованная в моносемичную оболочку произведения, вытекает принципиальная двойственность в отношениях между произведением и Текстом. С одной стороны, произведение без Текста существовать не может: любое произведение, по замечанию Барта, — это всего лишь "эффект Текста", оплотненный результат "текстовой работы", "шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом"⁶. С другой стороны, произведение не является пассивным продуктом Текста, у него есть своя собственная энергия, и возникает она в результате "поглощения множества текстов (смыслов) поэтическим сообщением, центрированным с помощью какого-нибудь одного смысла"⁷. Для постструктурализма энергия произведения — это энергия принуждения, осуществляемого как по отношению к Тексту, так и по отношению к читателю. Власт-

ные отношения существуют в первую очередь между производением и Текстом: перерабатывая текстовый материал, подчиняя его своей воле, произведение совершает над ним насилие; оно актуализирует и интегрирует только нужные ему смыслы, отсекая все, что не вписывается в его организацию; при внимательном чтении в любом произведении можно обнаружить смысловые лакуны, разрывы и непоследовательности, являющиеся не дефектами конструкции, а следами и симптомами репрессивной работы произведения. Позволяя произведению увлечь себя, переживая за судьбу его персонажей, подчиняясь его структурной организации, читатель (как правило, совершенно бессознательно) усваивает и всю его топику, а вместе с ней и ту идеологию, манифестацией которой является это произведение: вместе с наживкой захватывающего сюжета, характеров и конфликтов мы проглатываем и крючок всего того "порядка культуры", который взбран, сфокусирован и излучаем на читателя романом, стихотворением или пьесой. Произведение, таким образом, принудительно по своей природе⁸.

Для освобождения подавленных организующей силой произведения смыслов текста французский философ Жак Деррида (1930) разработал метод деконструкции, который заключается в том, чтобы, "разобрав" монолитное здание произведения и максимально дезорганизовав составляющие его элементы, подорвать тем самым его власть и высвободить максимальное число разнородных текстовых смыслов. Для этого используются следующие приемы:

А. Рассмотрение бинарных оппозиций (обозначающее/обозначаемое, речь/письмо, ответ/молчание), которым придается характер апорий. Обе стороны апории испытываются на прочность критикой до тех пор, пока не раскрываются их иллюзорность, мнимая контрадикторность: они ничего не противопоставляют вне текста просто потому, что помимо текста ничего вообще не существует, а каковы отношения между агентами текста, решает сам интерпретатор.

Б. Одновременное нарушение двух законов формальной логики — закона непротиворечия и закона исключенного третьего вследствие выстраивания отношений между элементами текста по принципу неопределенности: "ни то, ни это; и то, и это".

В. Требование абсолютной заменяемости, напоминающей логику мифа, в которой "всё превращается во всё": "любой другой есть любой другой". Деррида переводит всеобщую связность во всеобщую заменяемость, в полной мере используя параллели,

изоморфизмы, замещения и перемещения слов и их цепочек, метафоры, аллегории и цитации.

Г. "Выворачивание" слов. Для этого проводится их морфологический и этимологический анализ, широко используются словарные статьи, демонстрирующие многосмысленность и содержательную неопределенность некоторых понятий, а также используются переводы терминов с одного языка на другой.

Д. Применение контрправила к любому правилу. Допустим, кого-то о чем-либо спрашивают. Он дает либо ответ, либо не-ответ. Так считает логик. Но Деррида рассуждает по-другому. Он вопрошает: "В чем состоит ответ не-ответа и не-ответ ответа. В таком случае "не-ответ также является ответом".

Таким образом, целью деконструкции является разрушение целостности произведения, нахождение в "сказанном" "несказанного", выявление текстовых противоречий, конфликтов и неувязок и при этом возведение их к глубинным предпосылкам классического "метафизического" мышления. Деррида утверждает возможность бесконечного количества интерпретаций любого текста, которые настолько же "правильные", насколько и "неправильные". Любое понимание текста есть опять-таки насилие над ним; всякая интерпретация с необходимостью становится предметом чьей-то деконструкции, и так до бесконечности.

Перспективы дальнейших исследований в области проблем понимания и "философии текста" нам видятся в русле развития антропологических теорий, когда важнейшие герменевтические понятия "понимание", "текст", "смысл" станут своего рода ключом к постижению креативной сущности человека, помогут осознать его место и функции в бытии, а также гармонизировать, упорядочить отношения человека со сферой внекультурной реальности на основе принципов диалогизма и дополнительности, а практическая значимость такой работы — в формировании целостного, неотчужденного человека, осознающего свою миссию творца и ответственность творения смыслового поля культуры.

¹ Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999. С. 5.

² Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997. С. 335–336.

³ Анализ культурологического дискурса см.: Тульчинский Г. А. Текст как интонированное бытие, или Инорациональность семиотики // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995. С. 44–52; Агамохаммади А. С. "Текст" в гуманитарном поиске. М., 1997. Деп. в ИНИОН РАН, № 52647; Соколов Э. Культурология как дискурс и проблема самоидентичности в современном мире // В лабиринтах культуры. СПб, 1999. Вып. 2. С. 169–176; Артемьева Т. Короткая нить Ариадны // Там же. С. 325–327; Перспективы

метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб., 2001.

⁴ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 469.

⁵ Там же. С. 417–418.

⁶ Там же. С. 415.

⁷ Цит. по: Косиков Г. К. Структура и/или текст // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 39.

⁸ Там же. С. 39–43.

О. М. Разумникова

ЗНАЧЕНИЕ ФЕМИННЫХ И МАСКУЛИННЫХ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Известно, что половые различия в продуктивности творческой деятельности могут быть обусловлены и биологическими особенностями строения и функций мозга у мужчин и женщин, и давлением социально-культурных стереотипов, определяющих предпочитаемые каждым полом стиль и поле их деятельности¹. Причем социально определяемые цели, формирующиеся под влиянием бытующих культурных, социальных и педагогических норм имеют у женщин большее значение, чем у мужчин². Поэтому в современной быстро меняющейся социально-экономической обстановке следует ожидать у женщин большую гибкость в приобретении новых форм поведения и соответственно изменения профиля феминных или маскулинных свойств. Таким образом, целью нашей работы стало комплексное исследование связи половых стереотипов и творческой продуктивности, с одной стороны, и отражения этих стереотипов в особенностях функций мозга — с другой.

В исследовании принимали участие 199 студентов (85 мужчин и 114 женщин) Новосибирского государственного технического университета. Для определения образной и вербальной креативности использовали компьютеризированные методики теста “Круги” Торранса и отдаленных ассоциаций Медник, позволяющие количественно определять показатели креативности³. Для определения маскулинных (М), феминных (Ф) и андрогинных (А) свойств применяли методику С. Бем⁴. В экспериментах по исследованию электроэнцефалографических (ЭЭГ) коррелятов профиля этих свойств принимали участие 16 мужчин и 21 женщи-